

T-233-H

142728

**ТАТАРСКИЕ
НАРОДНЫЕ
ПЕСНИ**

4 p.

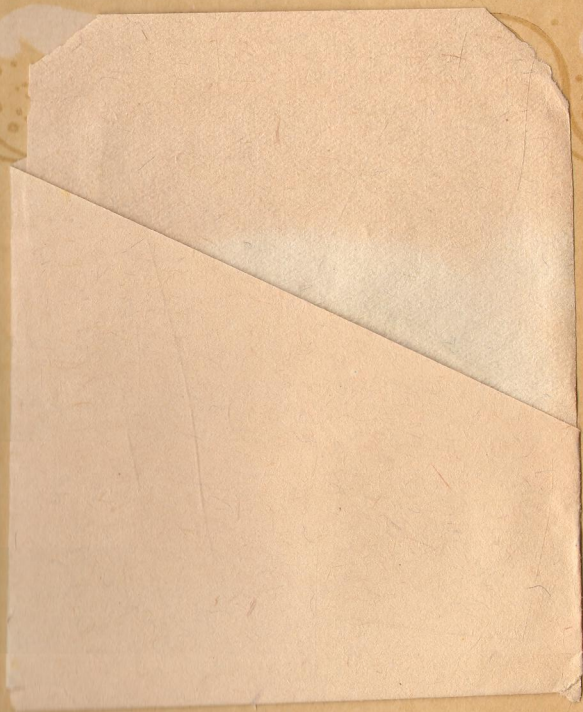
V.N. Karazin Kharkiv National University

00786851

7

2

ТАТАР
ХАЛЪО
СЪРЛАРЪ

БЛЕВАНЪ

MA-2337.H.

ТАТАРСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

СОСТАВИЛ А. ЕРИКЕЕВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА 1936 г.

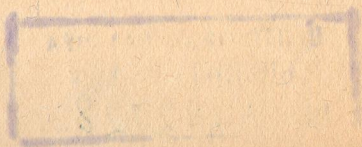
Проверено
ЦНБ 1936

ЦЕНТР ЛБЛ. НАУКОВА
БИБЛИОТЕКА ХДУ
Инв. № 142728

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1945

57

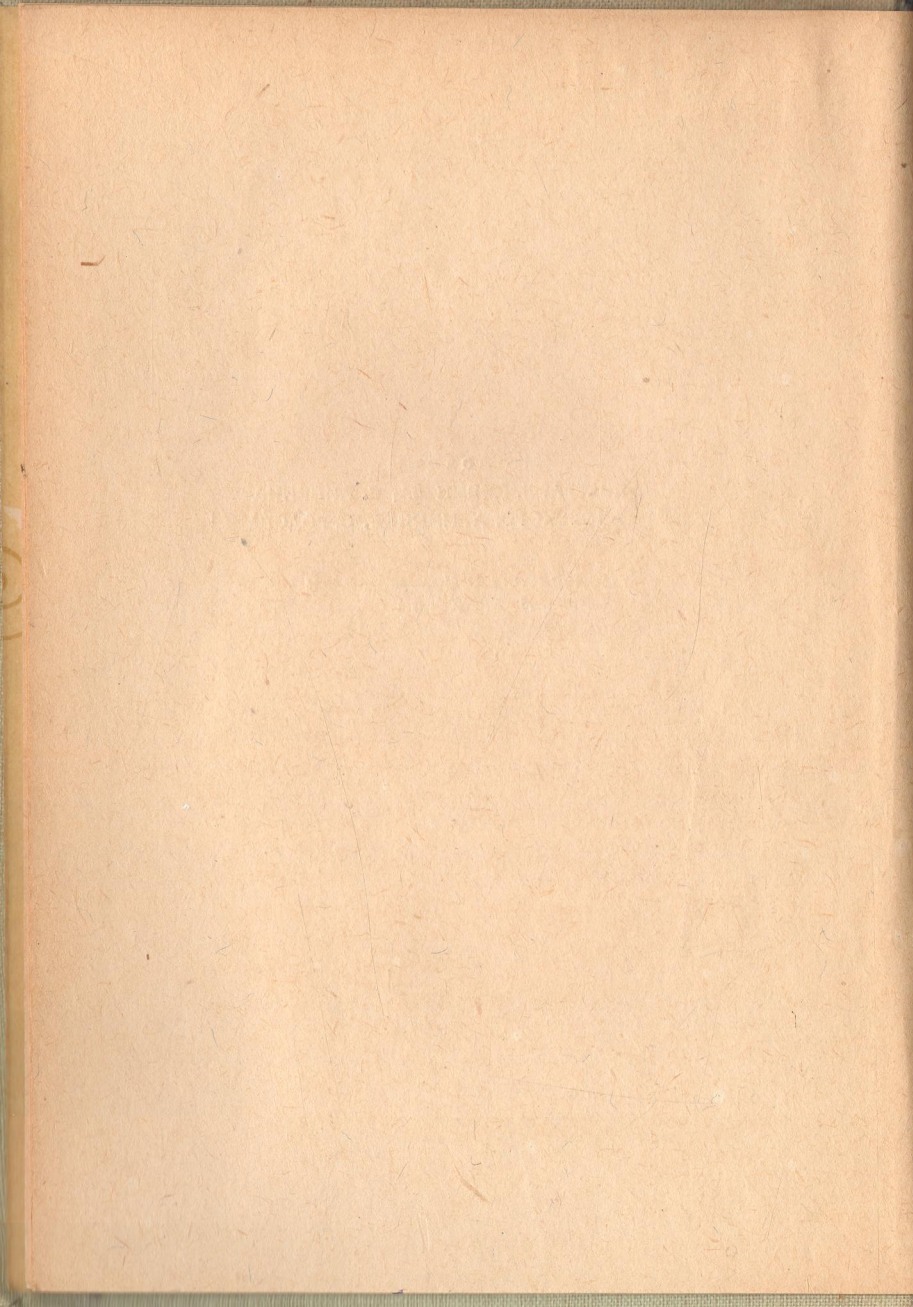
Титул и шицтитула—
гравюры на дереве.
Переплет, форзац
художника Г. А. Кравцова

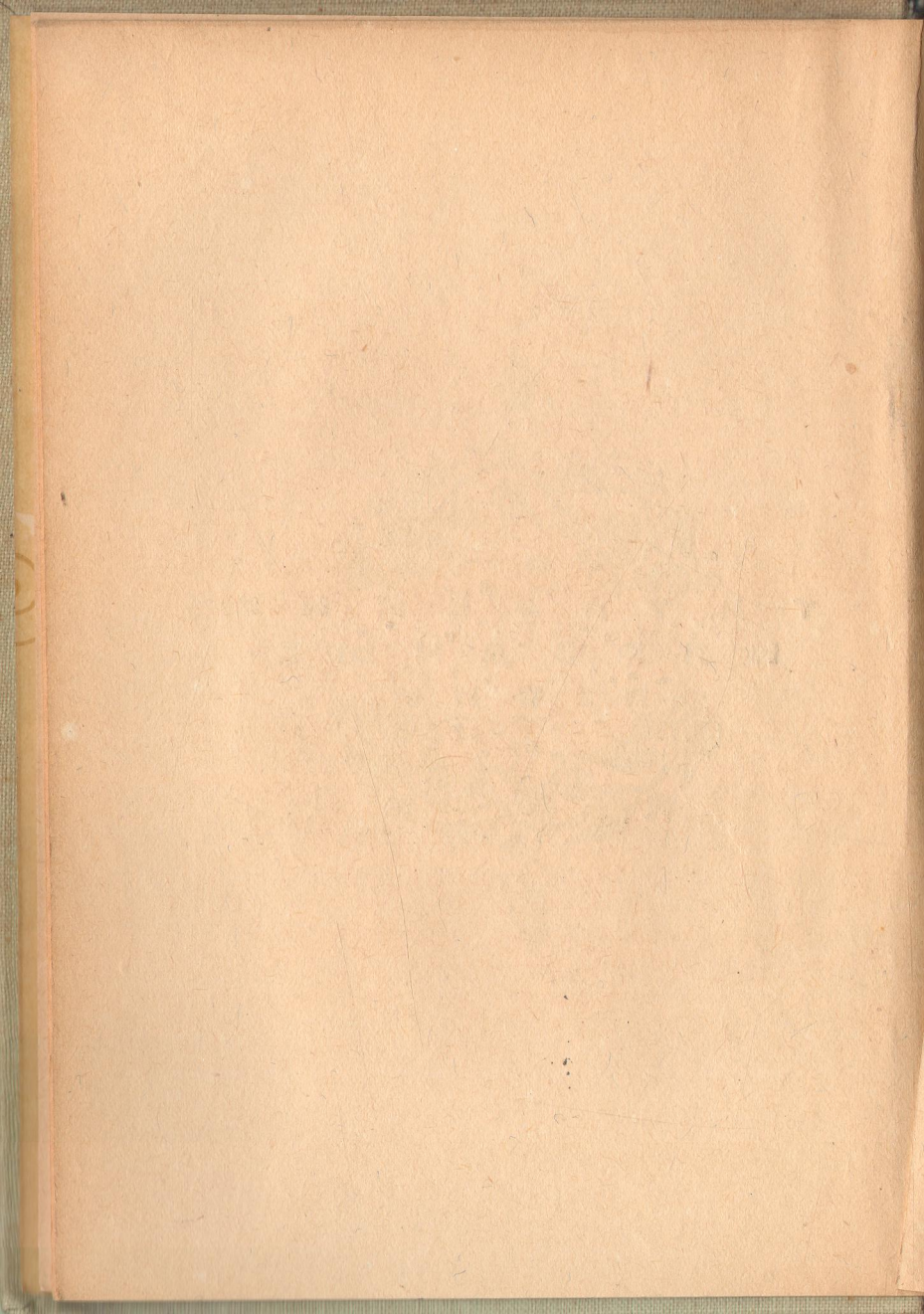
Переводы

А. ЕРИКЕЕВА, Б. КОВЫНЕВА, С. ЛИПКИНА
М. ИСАКОВСКОГО, А. МИНИХА, С. РОДОВА

Предисловие и комментарии
А. ЕРИКЕЕВА

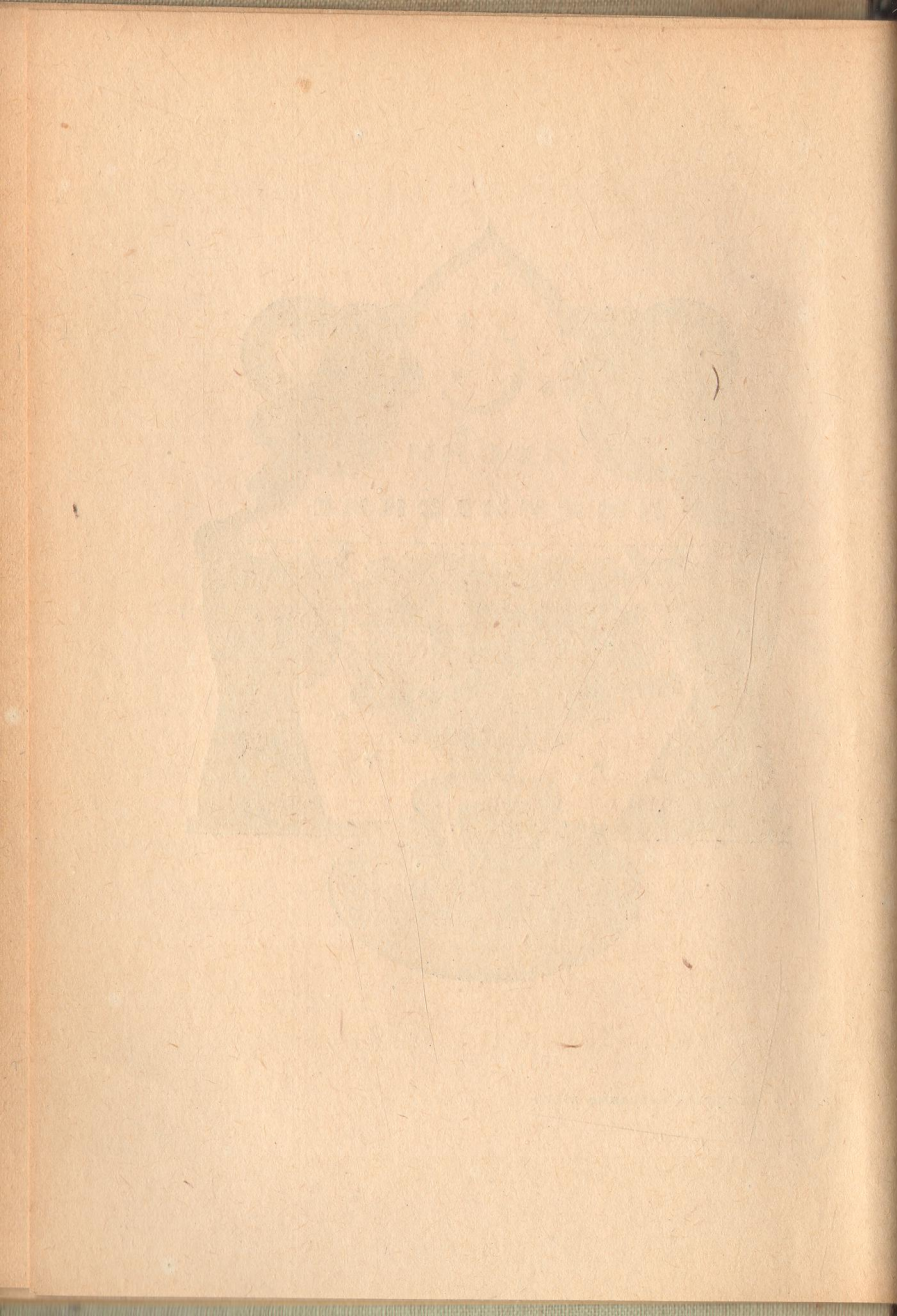

2 Татарские народные песни

ЯБЛОНИ

На сирени соловей
О любви поет своей.
Эй! Яблони цветут,
Звонко соловьи поют!
Эй! Яблони цветут,
Звонко соловьи поют!

В гнездах соловьи сидят.
Гнезда, как янтарь, блестят.
Эй! Яблони цветут,
Звонко соловьи поют!
Эй! Яблони цветут,
Звонко соловьи поют!

Я с подруженькой моей
Весел, словно соловей.
Эй! Яблони цветут,
Звонко соловьи поют!
Эй! Яблони цветут,
Звонко соловьи поют!

* *
* *

От игры на звонкой скрипке
Уставать мизинец стал.
На тебя похожа роза,
Та, которую сорвал.

Я вставал поутру рано,
Умывался у ручья.
Каждый день просил я счастья
Все тебе, любовь моя!

САНИЯ-АПА

Санья-апа встала утром
Рано с алою зарей.
Соловей запел в сирени,
Очарованный тобой.

Санья-апа молодая
Побежала за водой.
Ах, румяна, словно роза,
Роза раннею весной.

Сания-апа с водою
Ведро синие несет.
Соловей на коромысле
Песню звонкую поет.

Санья-апа, из ведерка
Не расплещется вода,
Лишь прольется пыл любовный,
Что горит в душе всегда.

Расскажи мне, Санья-апа,
С кем по улице ты шла?
Если б знала, как люблю я,
То б меня с собой взяла!

Просьб моих ужель не слышишь?
В сад идешь к цветам своим.
О, как сильно сердце бьется!
Сания, что делать с ним?

* *
*

Утром вышел я из дому,
Мял траву, растерянный.
От любви сгорел бы сразу,
Если б был я деревом.

Из гнезда птенцы летели,
Из гнезда, из душного.
Вместе — время незаметно,
Порознь — скука скучная

Что же песен не поете
Вы, друзья сердечные?
Будем петь покамест вместе:
Вместе быть не вечно нам.

Уезжаю, до свиданья!
Уезжаю, слышите!
Без меня вы остаетесь,
Мне письмо напишете,

УВЯДАЮТ РОЗЫ

На вербе, качая ветку,
Свищет песню соловей.
Я тоскую об утрате
Молодой любви своей.

Любовь от мороза
Увяла, как роза.
Но сердце мое
Не забудет ее.

Где была ты? С кем была ты?
И откуда ты пришла?
Ты, неожиданно появившись,
В сердце вновь тоску зажгла.

Любовь от мороза
Увяла, как роза.
Но сердце мое
Не забудет ее.

ГОЛУБОК И СОЛОВЕЙ

Снова лес пахуч и зелен,
Снова к нам идет весна.

Голубок и соловей
Вторят жалобе моей.
Без огня пылает сердце,
И тревогой грудь полна.

Голубок и соловей
Вторят жалобе моей.
Ты не сыплешь в клетку зерен,
Птичка умерла твоя.

Голубок и соловей
Вторят жалобе моей.
Ты не шлешь ко мне привета,
Без тебя угасну я!

Голубок и соловей
Вторят жалобе моей.

ПЛАЧ ДЕВУШКИ

Так судьба сложилась
Горькая моя.
В нищете родилась —
Вечно плачу я.

Но настанет время,
Горе прочь уйдет,
И рассеет темень
Солнечный восход.

* *
*

Не погаснем, не увянем
Мы, как розы, в дни зимы.
С грустью мы дружить не станем.
Вечно бодрь будем мы.

Будем неподвластны горю.
Будем радостны всегда.
Бурям жизненного моря
Не уступим никогда.

ГАЛЬЯ БАНУ

Расцвела в саду рябина,
Снова с песней соловей.
Черноброва и румяна,
Дорогая Галья Бану,
Будешь ли когда моей?

В томной грусти у окошка
Здесь я вижу каждый раз.
Ты зеленой занавеской,
Дорогая Галья Бану,
Скройся от нескромных глаз.

Ты томишься, ждешь кого-то,
Грустно голову клоня.
Чем сидеть и ждать без толку,
Дорогая Галья Бану,
Лучше б уж позвать меня!

БИБИКЯЙ

Серый с черной шейкой соловей
Прочь умчался с песнею своей.
Ай-ай,
Бибикияй!
Бибикияй собой красива.
За водой она идет.
У нее на коромысле
Соловей сидит, поет.
Тот, кто счастлив, по морям плывет.
Кто несчастлив, тот на дне морей.
Ай-ай,
Бибикияй!
Бибикияй идет на речку,
Ведро синие несет.
У нее на коромысле
Соловей сидит, поет.

Лучше утром по воду иди,
Позже замутият ее дожди.

Ай-ай,
Бибикияй!
Бибикияй собой красива.
Голубая шаль на ней.
На джигита не посмотрит,
Хоть джигит по сердцу ей.
Чтоб простором и весной дышать,
На луга зеленые иди!
Ай-ай,
Бибикияй!
Бибикияй стоит у речки.
И красива, и стройна.
Если ты ее обнимешь,
Ведро выпустит она.

Вон косилка на горе стоит.
Свежей краскою она блестит.
Ай-ай,
Бибикияй!
Бибикияй лицом красива,
Весела и молода.
Если крепко поцелуешь,
Из ведра плеснет вода.
Над тобой всегда любовь властна,
Как бы ни был ты силен, джигит!
Ай-ай,
Бибикияй!
Бибикияй идет с водою.
Сердце дрогнуло мое.
Я ее поцеловал бы,
Да страшусь отца ее.

АПИПЭ

ПЛЯСОВАЯ

Чтоб апишэ проплясать,
Нужен нам железный пол.
На полу должен стоять
Крепкий серебряный стол.

На серебряном столе
Должен подносик стоять.
А в золотых тарелочках
Рыбкам должно лежать.

Чтобы рыбок разрезать,
Нож Алиа нужно взять.
А к ножу нужен джигит,
Чтоб в боях был знаменит.

А к джигиту здесь нужна
Девица красавица.
Нужно зеркало достать,
Чтоб красавице отдать.

И начнем мы так плясать,
Что пойдет пол ходуном.
Зеркала не удержать,
Выпадет из рук оно.

САДЖИДА

Проводи меня, дорогой дружок!
На плечо накинь голубой платок.
(И в разлуке со мной, Саджида,
Чаще письма пиши, и тогда
Буду знать, что любим я всегда.)
Я по письмам твоим буду знать всегда,
Что тобою любим, хоть далек.
(Ты склонилась к ручью, Саджида.
Стройный стан отразила вода.
Саджида, ты красива всегда.)
Наступает вечер. Умчался день.
Ветку яблони ветер склонил на плетень.
(Как прекрасна ты, Саджида!
Как с тобой хорошо мне всегда!
Нету сил уезжать никуда.)
Ждал всю ночь тебя я к себе сюда,
На тропу глядел сквозь ночную тень.
(Ты клялась мне в любви, Саджида,
Ты клялась мне любить навсегда,
Отчего ж не пришла ты тогда?)

ДРЕМУЧИЙ ЛЕС

Лес дремучий мрачен
Ночью глухой.
Чтоб проехать лес,
Нужен конь лихой.

Две березки здесь шумели,
Но срубил их злой топор.
Друг мой!
Мы в разлуке
С давних пор.

Времечко тяжелое —
Горе вокруг.
Мне всего нужней
Ты, мой верный друг.

Вынес конь меня из лесу,
Предо мной речной простор.
Друг мой!

Мы в разлуке
С давних пор.

Снег в лесу кружится,
Путь заметет.
Конь гнедой, лихой
Мчит меня вперед.

Две березы здесь шумели,
Но срубил их злой топор.
Друг мой!
Мы в разлуке
С давних пор.

Если не устал бы
Мой конь гнедой,
Я бы прискакал
На заре домой.

Вынес конь меня из лесу,
Предо мной речной простор.
Друг мой!
Мы в разлуке
С давних пор.

БЕРЕГА РЕКИ БЕЛОЙ

Белая вдали струится вольно,
Плещутся волны о крепкий плот.
У побережья Белой
Так привольно!

К побережью
Ветер гонит
Волны по песку.
Ветер свежий
Вмиг разгонит
Грусть-тоску.

Мчимся мы вдаль, как речные волны,
В дали седые нас путь ведет
У побережья Белой
Так привольно!
К побережью
Ветер гонит
Волны по песку.
Ветер свежий
Вмиг разгонит
Грусть-тоску.

ГУСИНЫЕ КРЫЛЬЯ

Спорят с ветром крылья гуся.
Мысль — быстрее гусиных крыл.
Я стремлюсь с чужбины дальней
В край родной, что сердцу мил.
Я стремлюсь с чужбины дальней
В край родной, что сердцу мил.

Крылья гуся режут ветер.
С ветром песня мчится вдаль.
Кто с отчизной разлучится,
Знает горе и печаль.
Кто с отчизной разлучится,
Знает горе и печаль.

Для гусей опора — крылья,
Для джигита ж — конь лихой.
Я, уехав на чужбину,
Стал чужим стране родной.
Я, уехав на чужбину,
Стал чужим стране родной.

Перья те, что гусь теряет,
Я найду и подниму.
Грустно, грустно на чужбине
Жить без друга одному.
Грустно, грустно на чужбине
Жить без друга одному.

Я пером гусиным белым
Напишу письмо домой:
Без родных веселых песен
Скучно мне в стране чужой.
Без родных веселых песен
Скучно мне в стране чужой.

В крыльях гуся много перьев,
И у них различен цвет.
Без веселья и без песен
В нашей жизни счастья нет.
Без веселья и без песен
В нашей жизни счастья нет.

БАДЕРЛИХАЯТ

Камыш под ветром клонится шурша.
Нас тоска гнет стеблем камыша.

Яблоко мы пополам едим.
Друг за друга жизнь мы отдадим.

Пусть ветер северный подул сейчас,
И пускай идет гроза на нас.

Яблоко мы пополам едим.
Друг за друга жизнь мы отдадим.

Вновь солнце яркое взойдет из тьмы,
Вновь согремся на солнце мы.

Яблоко мы пополам едим.
Друг за друга жизнь мы отдадим.

Как ржавый лист осенний, у меня
Все желтее кожа день со дня.

В бурю кладь везти не станет конь.
Пью я, чтоб залить в душе огонь.

Вновь от грозы беснуется река.
Волны ударяют в берега.

В бурю кладь везти не станет конь.
Пью я, чтоб залить в душе огонь.

Нет хуже черной доли бедняков.
Горько жить нам в рабстве у врагов.

Яблоко мы пополам едим.
Друг за друга жизнь мы отдадим.

МИЛЫЙ ЗЯТЬ

— Что глядишь ты из окна своего?
Отвечай мне, милый зять мой, не тая.
— Слышал я: снежком ты стукнула в него,
Одинокaя невестушка моя.
— Дважды стукнула в окно я снежком,
Признаюсь в том, милый зять, не тая.
— Как унять мне пламень сердца моего,
Одинокaя невестушка моя?

— Брови черные твои люблю давно, —
Признаюсь в том, милый зять мой, не тая.
— Я люблю. Но нам любить грешно,
Одинокaя невестушка моя.
— Я боюсь молвы про нас с тобой,
Признаюсь в том, милый зять, не тая.
— Как хотел я, чтобы ты была со мной,
Одинокaя невестушка моя.

— Этот палец искривлен так отчего?
Отвечай мне, милый зять, не тая?

— Золотым кольцом я искривил его,
Одинокaя невестушка моя.

— Отчего ты похудел и побледнел,
Отвечай мне, милый зять, не тая?

— Я люблю тебя безмерно. Оттого
Исхудал я так, невестушка моя.

— Вырастает на болоте очерет, —
Помнишь, зять, им любовались ты и я?

— Он по осени завянет и умрет,
Одинокaя невестушка моя.

— Поцелуй наши мне не позабыть,
Признаюсь я, милый зять мой, не тая.

— В сердце память о любви всегда живет,
Одинокaя невестушка моя.

МИЛЫЙ ЗЯТЬ

ШУТОЧНЫЙ ВАРИАНТ ПЕСНИ

— Отчего ты вдруг таким сутулым стал,
Отвечай мне, милый зять мой, не тая?

— Оттого, что бревна из лесу таскал,
Одинокая невестушка моя.

— Отчего ты ноги так перекинул,
Отвечай мне, милый зять мой, не тая?

— Оттого, что в сапогах дрянных ходил,
Одинокая невестушка моя.

— Очень грязен ты, мой зять, как погляжу.
В бане вымыться тебя просила б я.

— В год лишь раз я мыться в баню захожу,
Одинокая невестушка моя.

ПЕСНЯ УГНЕТЕННЫХ

Зарумянился восток зарею.
Славят птицы наступленье дня.
Для меня же даль повита мглою,
Солнце не восходит для меня.

Я не вижу, как пылают розы.
Я не слышу песен соловья.
Только муки, только боль и слезы
Мне в дары приносит жизнь моя.

Пусть играют и поют другие,—
Мне не быть веселым никогда.
Вянут мускулы мои тугие.
Как огонь, меня палит беда.

Может быть, о прошлом я тоскую,
Может быть, жалю, что года
Убежали, как речные струи,
И не возвратятся никогда?

Нет, о горьком прошлом я не вспомню.
Но такая боль живет во мне,
Что, пожалуй, было б все равно мне,
Если б весь наш мир сгорел в огне.

Сердце разрывается на части.
Ничего от жизни я не жду.
Ведь никто мне не подарит счастья,
Ведь вовек я счастья не найду.

Ведь ушла подруга молодая
От меня и не придет опять.
Ведь один, тревожась и страдая,
Должен я тяжелой смерти ждать.

Чтоб над тихой моей могилой
Дуб шумел зеленою листвою,
Охраняя мой приют унылый
От врагов, как верный часовой.

Отчего так горько я тоскую?
Отчего мне мир мой стал не мил?
Кто печаль тяжелую такую
В молодое сердце поселил?

Я грущу, что на моей отчизне
Жизнь для бедных, как полынь, горька,
Что легли вся боль и тяжесть жизни
На худые плечи бедняка.

Что нужде и горю нет границы,
Что ничто не может нам помочь...
Я хотел бы улететь, как птица,
Навсегда от этой жизни прочь.

Жить рабом и жалким нищим больно.
Скорбь несут нам каждый день и час.
Богачи, живущие привольно,
Мучат нас и притесняют нас...

Но когда-нибудь настанут сроки,
Для борьбы подымется народ.
Будет свергнут нами гнет жестокий,
И свобода в гости к нам придет.

К ТЕБЕ СТУЧУ

Д ж и г и т. Девушка, открой мне двери,
К тебе стучу.
Говорят, что стан твой строен.
Взглянуть хочу.

Д е в у ш к а. Для чего глядеть на стройный
Мой стан, джигит?
Ты видал — под ветром стройный
Камыш звенит.

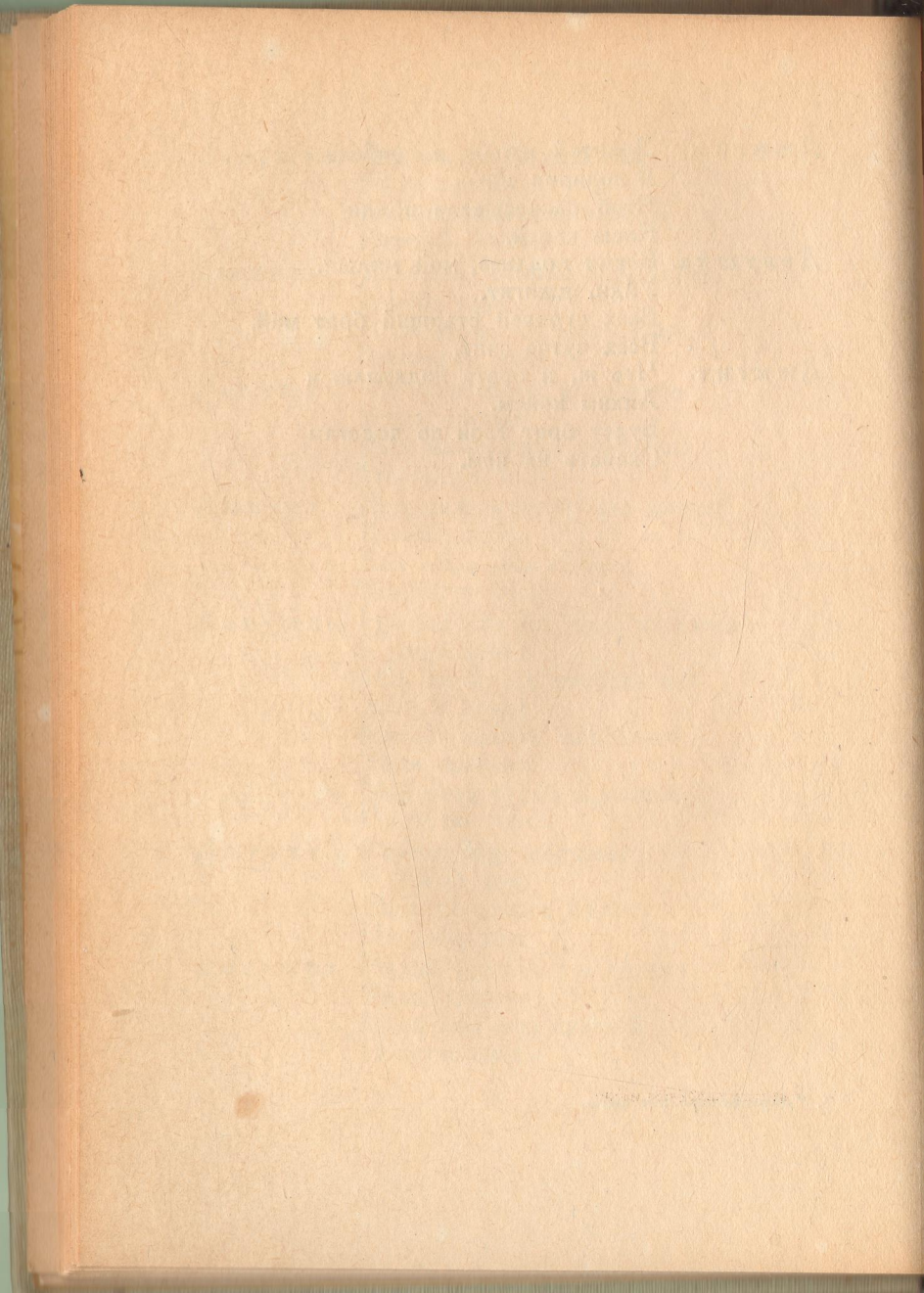
Д ж и г и т. Девушка, открой мне двери,
К тебе стучу.
Я на брови смоляные
Взглянуть хочу.

Д е в у ш к а. От бровей моих джигиту
Какой же толк?
Лучше в лавках погляди ты
На черный шелк.

Д ж и г и т. Девушка, открой мне двери,
К тебе стучу.
Мягких кос твоих коснуться
Рукой хочу.

- Девушка. Для чего тебе касаться
Косы моей?
Крылья ласточки веселой
Нежней, черней.
- Джигит. Девушка, открой мне двери,
К тебе стучу.
Я на зубы, что как сахар,
Взглянуть хочу.
- Девушка. Что ж особого, коль зубы
Белы, чисты?
Иль жемчужных ожерелий
Не видел ты?
- Джигит. Девушка, открой мне двери,
К тебе стучу.
Как лицо твое сияет,
Взглянуть хочу.
- Девушка. Ну так что же, коль струятся
С лица лучи?
Иль не видел никогда ты
Луну в ночи?
Милый юноша, довольно!
Уйди, джигит.
Мой отец суров и гневен,
Он чутко спит.
- Джигит. Твоему отцу построю
Я новый дом.
Золотая крыша будет
На доме том.
- Девушка. Милый юноша, уж поздно.
Уйди, джигит.
Мать моя еще суровей
И чутче спит.

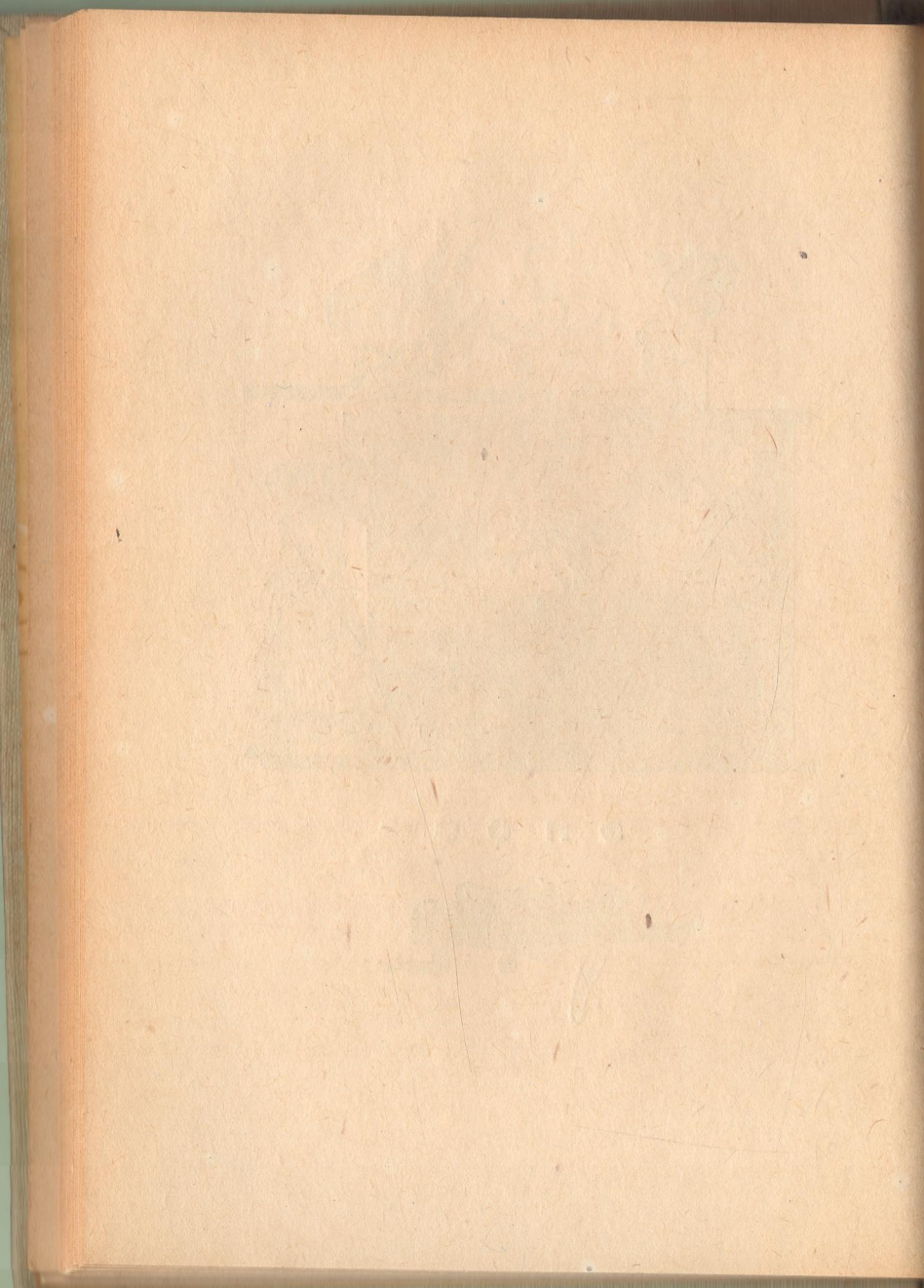
Д ж и г и т. Золотой куплю я гребень
 В подарок ей,
 Чтоб расчесывала пряди
 Косы своей.
Д е в у ш к а. Время позднее, мой милый.
 Уйди, джигит.
 Всех суровей старший брат мой,
 Всех чутче спит.
Д ж и г и т. Что ж, и брата подкуплю я
 Лихим конем.
 Будет брат твой по дорогам
 Скакать на нем.

Э П О С

СКАЗ О МУКАН-КАНТОНЕ

Вы, быть может, помните, а вернее всего, совсем не помните некоего башкирина, чиновника царского, владельца дома барского. — Звали его Мукан, а должность он занимал кантона¹, отчего и прозывается он «Мукан-кантон».

Однажды, когда большую свадьбу справляли в его дому, безвестный бедняк явился к нему. Мукан велел было слугам прочь его гнать, но тот не смутился и попросил позволения несколько слов сказать:

— Достойнейший Хазрат-кантон,—начал он,—прогнав меня, возьмешь на душу грех: разве ты не знаешь, что большая свадьба должна быть достоянием всех. Не держись обычаев скверных: свадьба — достояние всех правоверных, и каждый может быть на нее приглашен, кто бы ни был он. Как радушный хозяин ты бы меня приветил...

Кантон подумал немного и ответил:

¹ Кантон — начальник округа, назначавшийся царским правительством.

— Свадьба — место веселия и радости, нет на свете места чудесней, там поются сладчайшие песни. А признайся, задача совсем нелегка, для такого горького бедняка петь сладчайшие песни.

— Так-то так, — сказал бедняк, — но, достойнейший кантон Хазрат, я многими песнями богат, и спеть их тебе берусь. Одного лишь боюсь: как спою несколько песен кряду, твою немилость получу я в награду, и ты прикажешь меня казнить.

— Нет, в этом никто не станет меня винить, — отвечал Мукал-кантон, — если ты действительно песенным даром одарен, то никто не тронет тебя в доме моем, ибо песню чтит высоко мой дом.

Успокоенный этими словами, бедняк запел:

С тобой сдружился невзначай,
А где сметана, где твой чай,
Обильный стол твой где?

Абдулджамиль, родитель твой,
Себе растил живот большой,
И вот он спит в земле сырой.

Твое семейство где?
Все умерли до одного
И захватили твоего
Намхула¹. Вот пример с кого
Бери! Намхуд твой где?

Наступит срок: помрешь, Мукал.
Творил ты подлость и обман,
Ты — гоешен. Где же твой иман?²
И покаянье где?

¹ Намхуд — помощник кантона.

² Иман — благочестие, вера.

Не знавшим покаянья в ад
Одна дорога, — так-то, брат! —
Ты завопишь, тоской объят:

Конец мученьям где?

Что с дворней станется твоей?
Вся разбежится, ей же ей!
С тобой судья был всех дружней,

Судья Чалкавский¹ где?

Твое богатство ни к чему.
Когда войдешь в земную тьму
И в адском завопишь дому:

Освободитель где?

Сарай² покинешь пышный свой,
И ворох шуб с тебя долой,
И саван стянет кисеей...

Сарай твой пышный где?

Да, саванная кисея —
Вот участь близкая твоя!
В могилу не придут друзья,

Забудут прах твой где!

Велик богатств твоих приплод,
Он рос из года в год... И вот
Джуназа³ по тебе идет...

Твои богатства где?

Мечтал о сыне искони,
Чтоб стал он муфтию сродни...
В земле ночами станут дни...

Шейхулислам⁴ твой где?

Превыше прочих сыновей

¹ Чалкавский — имя собственное,

² Сарай — дворец.

³ Джуназа — панихида,

⁴ Сын кантона.

Поставлен был Селимгирей¹
Тобой... О, пища для червей,
Селимгирей твой где?
Там, в глубине пластов земных,
Могила замыслов твоих.
Ахуна дочери жених,
Шагимардан¹ твой где?
Твой управитель был таков:
Порол нещадно бедняков.
Спрошу тебя без лишних слов:
Твой управитель где?
Был у тебя певец. Уста
Он раскрывал, и красота
Лилась из уст его, чиста...
Скажи, певец твой где?
Один, в могиле схоронен,
Ты будешь гнить и гнить, кантон!
Не спросишь лучшую из жен:
Ферхиджамаль, ты где?
Тебе помощники даны:
Большие, малые чины.
Но, в саваны облачены,
Твои намхуды где?
Где, спросишь, белые, как снег,
Перины? Где лучистый смех
Той, что зовет на ложе нег?
Хабибджемаль, ты где?
Где, спросишь, старшая из жен?
Кто, до земли отдав поклон,
«Добро пожаловать, кантон»,
Кто скажет, кто и где?

¹ Сыновья кантона.

Здесь все блесит, озарено,
В могиле страшно и темно,
А свет зажечь кому дано?
 Большие свечи где?
В могиле чем займешься ты
Среди подземной духоты?
Где дочь, где вестница мечты,
 Бибиджемаль, ты где?
В могиле страшная жара.
Пить хочется уже с утра.
Поставить самовар пора,
 А слуги, слуги где?
В могиле тоже голод есть,
В могиле тоже хочешь есть,
Но как подать из гроба весть,
 И кухня, кухня где?
Захочешь злость излить на нас,
Кому сказать: «Пиши приказ»?
Где твой пролаза из пролаз,
 Антон Иванович где?
Письмо к тебе приходит в срок.
Прочти-ка закорючки строк!
А ты безграмотен, браток!
 Где секретарь твой, где?
Избишу ты воздвиг. Она
С пузатой церковью сходна.
Дал кличку: «Магазин зерна».
 Зерно аула где?
Башкиры спросят: «Где зерно?..»
Кантон его забрал давно!
А жаловаться не дано!
 Где справедливость, где?
Жандармов ты подкупишь, друг,

Объявят бунт, крамольный дух...

Предстать пред киа¹матом вдруг

Где сил возьмешь ты, где?

Ты рад в чудовище — в мундир —

Упрятать весь подлунный мир,

И в русских превратить башкир...

Твои башкиры где?

Напялил ты шинель на нас,

Напялил картузы до глаз,

Когда начнут читать намаз,

Чалме где место, где?

Бедняк стонал, а ты, ты рад:

Когда он беден, ты богат.

Об этом помнит киа¹мат,

Где твой защитник, где?

Пред русским барством лебезишь,

А нас презрением даришь.

Не оправдаешься, шалишь!

А совесть, совесть где?

Бедняк ходил к тебе не раз,

Всегда встречал один отказ.

Когда прообьет твой смертный час,

Где станешь добрым, где?

Все ждали милости твоей,

Ты делался надменней, злей.

Вот киа¹мат: гляди, смелей!

Робеешь? Смелость где?

Тебя винить я не хочу,

Мне жаль тебя, я не шучу.

Я не ругаю, я учу...

Плоды ученья где?..

¹ Киа¹мат — конец света.

СМЕРТЬ САРБИ

Сегодня, вспомнив о былом,
Мы песню о Сарби споем.
Сарби июльской порою
Погибла в домике своем.

Сарби красавицей была.
Сарби в мученьях умерла.
О ней тоскуя, горько плачет
Несчастный муж, Гарифулла.

Как быстр годов неверный бег.
И короток людской наш век.
Становится золой и прахом
Сожженный жизнью человек.

Неурожайным был тот год.
Мороз побил поля... И вот
Гарифулла искать работу
Поехал в город на завод.

Сарби (о ней ведем мы речь)
Месила хлеб, топила печь.
Лишь в полночь кончила работу,
И поздно ей пришлось лечь.

Был сон короткий ночью той.
Огонь, как ястреб золотой,
Возникнув вдруг, метнулся в небо
Над степью, мраком залитой.

Та ночь была душнее дня.
И лес шумел, листву клоня.
Когда б Гарифулла был дома,
Жену он спас бы из огня.

Босой, в тревоге, с полусна,
Из дому кинулась она.
Но путь к дверям ей преградила
Огня багровая стена.

Был из сосны построен дом.
Огонь не полз — бежал бегом.
Сарби окно открыть хотела,
Но охватил пожар кругом.

Кто слышал плач ее и стон?
Огонь был беспощаден. Он,
Вокруг несчастной торжествуя,
Сдвигался с четырех сторон.

Пылало, как костер, крыльцо.
Огонь, зажав Сарби в кольцо,
Лизал ей кудри смоляные,
Вонзал ей сотни жал в лицо,

А ветер пламя раздувал.
И ситец платья запылал.
И тело смуглое зарделось,
Как бы расплавленный металл.

Пожар гудел. В тени ветвей
Пел песнь печальный соловей.
А утром мать Сарби рыдала
Над прахом дочери своей.

Была красива и стройна
Сарби. Теперь лишь прах она.
Теперь она лежит недвижно,
Обуглена и сожжена.

Стал бел Гарифулла, как мел,
Когда узнал, что дом сгорел.
Он плакал о жене любимой,
Он двух сирот-детей жалел.

Стонал в тоске Гарифулла:
— Несчастье весть мне принесла,—
Моя Сарби в огне сгорела,
В жестоких муках умерла.

Зачем там не было меня?
Я б спас, я б вынес из огня
Жену мою, что задремала,
К подушке голову склоня.

Я на чужбине жить устал.
Устали руки гнуть металл.
Когда узнал я о пожаре,
Вмиг в сердце пламень запылал.

Беда, как туча, подошла.
Грозу с собою принесла.
Сиротами остались дети,
А мать их в муках умерла.

Сарби красавицей была.
Сарби в мученьях умерла.
Вчера еще живое тело,
Сейчас — лишь уголь да зола.

Над нею в зелени ветвей
Печальный стонет соловей.
Кто видел прах Сарби сожженной,
Сдержать не мог слезы своей.

Над садом ветер пролетал,
Он ветку яблони сломал.
Как эта ветка, обломилась
Сегодня жизнь Сарбикамал.

Сарби красавицей была.
Сарби в мученьях умерла.
О ней тоскует и томится,
И слезы льет Гарифулла.

Орел летает тяжело,
Когда повреждено крыло.
Быть бодрым трудно человеку,
Когда несчастье обожгло.

МУЖИК

Лапти старые, дырявые на нем,
И одежда вся из дыр и из лохмотьев.
Шапки нет. И солнце жжет его огнем.
Посмуглел и почернел он на работе.

Он, бедняк, не разгибаясь, круглый год
Над землей корпит, замученный нуждою.
Сев и пахота, покос и обмолот
Бесконечно проходят чередою.

На своей полоске, жалкой и сухой,
С детских лет своих ведет он труд суровый.
Землю пашет он поломанной сохой.
(Починить нельзя, и денег нет для новой.)

Лоб морщинами исчерчен навсегда.
На ладонях — натруженные мозоли.
Счастье, видно, не заглянет никогда
К бедняку, на смену горестям и боли.

Время движется. Дряхлеет инвентарь
И, ломаясь, исчезает понемногу.
Но бедняк-хозяин тверд и прям, как встарь.
И года его сломить никак не могут.

Он к земле придавлен каторжным трудом.
Ни спокойствия, ни счастья он не знает.
Но богач его боится и притом
Голодранцем и бездельником ругает.

ПЕСНЯ О НУРИСЛАМЕ И СУНГАТЕ

Аглюк был жестокий
Богатый кулак.
Он пойман с поличным
В кровавых делах.
Он был беспощаден,
Как сам Газраил¹.
До сотни людей он
Из мести убил.
И кровь, что он пролил
По злобе своей,
Струилась, бежала,
Как подый ручей.
Но жил на свободе
Убийца всегда,
Легко избегая
Тюрьмы и суда.
Ведь тот безнаказан,
Кто щедр и богат...

¹ Газраил — ангел смерти.

Был сын у Аглюка,—
Он звался Сунгат.

Аглюк наглядеться
На сына не мог.
Весь вышел в отца он,
Проклятый сынок.

Он кобелем звался
В народе, Сунгат.
(За то пусть не взыщет,
Коль сам виноват!)

Он девушек многих
Позорил у нас.
Его проклинали
Отцы их не раз.

Закия с Максумом,
Людишек плохих,
Подручными взял он
В проделках своих.

Закия с Максумом
Сунгат подкупил.
Он с ними совместно
Буянил и пил.

Идя на попойку,
Идя на разбой,
Сунгат их обоих
Водил за собой.

О, с ними и с бандой
Подручных дружков
Не раз избивал он
Врагов-бедняков.

Он с жиру бесился,
Он пил-пировал.

Нарядных марзей¹ он
Не раз обнимал.
Терпя от Сунгата
Не мало невзгод,
С ним спорить боялся
Забитый народ.
Не встреча отпора
Ни в чем и нигде,
Сунгат похвалялся
Победой везде.
Он хвастал: «Со мной —
Молодцом-богачом —
Не смеет тягаться
Никто и ни в чем».
Но жили в деревне
У самой реки
Гимран с Нурисламом —
Друзья-батраки.
Хоть впроголодь жили
Порою они,
Друзья не тужили
• В тяжелые дни.
Не робкого были
Десятка они.
И их ненавидел
Сунгат искони.
Как мы говорили,
Не мало в тот год
Терпел от проделок
Сунгата народ.

¹ Марзя — русская женщина. Унизительное название немусульманок со стороны татар.

Чтоб спесь у Сунгата
Немного посбить,
Решили ребята
Его проучить.

Лишь случая только
Искали они.
И случай явился
В ближайшие дни.

Семь раз был женат он,
Проклятый Сунгат.
Семь жен уложил он
В могилу подряд.

Соседнею с нами
Деревня была,
В которой невеста
Сунгата жила.

Отец Нухайли был
Богатый кулак.
С Аглюком был связан
В нечистых делах.

И ездил частенько
К невесте своей
Сунгат вечерами
На паре коней.

На этой дороге,
Вблизи от реки,
Решили Сунгата
Поймать батраки.

Решили примерно
Его проучить,
Чтоб сбить с него наглость,
Чтоб сбить с него прыть.

Раз как-то Сунгату
Коней запрягли.
Сунгат торопился
В село Нухайли.

Вдали от деревни,
Вблизи от реки,
Сунгата поймали
Друзья-батраки.

Он был в тарантасе
И с ним никого.
Друзья задержали
У речки его.

Туман и безлюдье —
Куда ни взгляни.
Стащили Сунгата
На землю они.

Кричал он и дрался,
Ругался он зло,
Но это Сунгату
Помочь не могло.

Кричи — не кричи тут,
Грози — не грози, —
Был вывален ими
Сунгат в грязи.

Потом отпустили
На волю его,
Облитого жидкою
Грязью всего.

И грязью, как боров,
Облеплен кругом,
Под хохот друзей
Убежал он бегом.

И, грязным, как боров
(Все видеть могли),
Сунгат постучался
В избу Нухайли.

А после с веселой
Частушкой пришли
Ребята под окна
Избы Нухайли.

И пели у окон,
Построившись в ряд,
Про то, как наказан
Был кобель Сунгат.

Гимран с Нурисламом
Проделкой горды.
Гимран с Нурисламом
Не ждали беды.

Но враг был коварен,
Но враг был богат.
Кровавую месть им
Готовил Сунгат.

Сунгату помощники
Были нужны.
Сунгату на это
Не жалко мощны.

Закия с Максумом
Призвав вечером,
Сунгат сообщил им
О плане тайком.

Помочь обещали
Максум и Закий.
Сдержать обещали
Свои языки.

Гимран с Нурисламом
Не знали тогда,
Что к ним подступил
Вплотную беда.

Легко на попойку
Максум и Закий
Друзей заманили
На берег реки.

Вечерняя темень,
Река, тишина,
И четверо пьют
Из бутылки вина.

Из тьмы осторожно
Подкрался Сунгат.
И палкой железной
Взмахнул наугад.

В затылок Гимрану
Он палкой попал.
Гимран без сознания
На месте упал.

Железная палка
Была тяжела,
И кровь Нурисламу
Глаза залила.

И головы павшим
Сунгат отрубил.
И в черной Шушме¹ он
Тела потопил.

И долго два тела
Лежали в Шушме,
В подводной, холодной
И тинистой тьме.

¹ Шушма — название реки.

А утром заплакали
Матери их
О детях любимых,
О детях своих.
И долго убитых
Искали везде,
Пока не нашли их
В холодной воде.
В реке их тела
Отыскали с трудом
И в белый кефен¹
Завернули потом.
К нам фельдшер приехал
Убитых вскрывать.
Приехала власть
Протокол составлять
И в гурь² положили
Обоих подряд.
Два друга в холодной
Могиле лежат.
На кладбище песни
Поет молодежь,
Но двух молодцов
Средь нее не найдешь.
Земля их укрыла
На вечные дни.
Но будут вовек
Незабвенны они.
Продажные твари,—
Максум и Закий,—

¹ Кефен — саван.

² Гурь — могила.

Пускай вы прижали
Свои языки,—
Все знают о крови,
Проливой в ночи,
Все знают, вы стали
Теперь богачи.
Сунгат не скупился, —
Убийца богат:
По тысяче дал вам
За помощь Сунгат.

Но сколько б не дал он
За подлый ваш труд, —
Проклятые деньги
Вам впрок не пойдут.
Вы в нищенство скоро
Впадете опять.
Тюрьмы и позора
Вам не избежать.

Ты богом обижен,
Сунгат-богачей!
Убил ты, гадюка,
Двух лучших людей.
Ты сеял повсюду
Жестокое зло.
Тебя проклинает
Родное село.

Но ты не кичися
Богатством, Сунгат!
С тобой разочтемся,
Хоть ты и богат.

Пускай подкупил ты
Продажный наш суд,

Но хитрости эти
Тебя не спасут.
За кровь, что ты пролил
В неравной борьбе,
Друзья Нурислама
Отплатят тебе.

Отплатят сторицей
Гимрана друзья:
От них откупиться
Деньгами нельзя.

Тебя стережем мы
На каждом пути.
Ушел от суда ты —
От нас не уйти.

От кары теперь ты
Не скроешься вновь.
Ты кровью своею
Заплатишь за кровь.